

Иван Алексеевич Бунин

Куприн

Бунин Иван Алексеевич
Куприн

И.А.Бунин
Куприн

Это было давно ? когда я только что узнал о его существовании, впервые увидел в "Русском богатстве" его имя, которое все тогда произносили с ударением на первом слоге, и этим ударением, как я видел это впоследствии, почемуто так оскорбляли его, что он, как всегда в минуты гнева, позвериному щурил глаза, и без того небольшие, и вдруг запальчиво бормотал своей обычной армейской скороговоркой, ударяя на последний слог:

? Я ? Куприн, и всякого прошу это помнить. На ежа садиться без штанов не советую.

Сколько в нем было когда-то этого звериного ? чего стоит одно обоняние, которым он отличался в необыкновенной степени! И сколько татарского! Насчет многого, что касалось его личной жизни, он был очень скрытен, так что, несмотря на всю нашу большую и такую долгую близость, я плохо знаю его прошлое. Знаю, что он учился в Москве, сперва в кадетском корпусе, потом в Александровском военном училище, недолгое время был офицером

на русскоавстрийской границе, а затем чем только не был! Изучал зубоврачебное дело, служил в какихто конторах, потом на какомто заводе, был землемером, актером, мелким журналистом... Кто был его отец? Кажется, военный врач, благодаря чему Александр Иванович и попал в кадетский корпус. Знаю еще, что он рано умер и что вдова его оказалась в такой бедности, что принуждена была жить в московском "Вдовьем доме". Про нее знаю, что, по происхождению, она была княжна с татарской фамилией, и всегда видел, что Александр Иванович очень гордился своей татарской кровью. Одну пору (во время своей наибольшей славы) он даже носил цветную тюбетейку, бывал в ней в гостях и в ресторанах, где садился так широко и важно, как пристало бы настоящему хану, и особенно узко щурил глаза. Это была пора, когда издатели газет, журналов и сборников на лихачах гонялись за ним по этим ресторанам, в которых он проводил дни и ночи со своими случайными и постоянными собутыльниками, и униженно умоляли его взять тысячу, две тысячи рублей авансом за одно только обеща-

ние не забыть их при случае своей милостью, а он, грузный, большелысый, только щурился, молчал и вдруг отрывисто кидал таким зловещим шепотом: "Геть сию же минуту к чертовой матери!" ? что робкие люди сразу словно сквозь землю проваливалась.